«И как так получилось, что вы именно у меня спрашиваете совета? Как же мне так помягче намекнуть, что я скорее интроверт и социопат, чем душа компании? Что я могу придумать в этой ситуации? Откуда мне знать, как повлиять на поведение девушки, у которой, похоже, началось запоздалое половое созревание? Марине, похоже, очень нравится ее теперешняя жизнь, так зачем мне вмешиваться?» Вот примерно такими были мои мысли, но вслух я ничего из этого, естественно, не сказал.

Ну а раз я ничего не смог придумать, девочки решили дать Марине время разобраться в себе, прекратив с ней общаться. На время, а не навсегда, конечно. Аня написала ей об этом сообщение, на которое мгновенно пришел такой ответ: «Катитесь, неудачницы, еще сами приползёте!». Поведение ее после этого нисколько не изменилось. Попыток помириться или хотя бы пообщаться она не предпринимала. Похоже Марина действительно просто плевать хотела на этот бойкот подружек, у нее только ухажеров прибавилось.

А спустя неделю, среди ночи зазвонил телефон. Бросив взгляд на часы, циферблат которых огрызнулся холодными электронными цифрами, я разозлился. «Надеюсь это что-то важное, иначе вы можете нарваться на грубость, названивая в 02:35», мелькнула мысль, и я взял трубку.

— Чего не звонишь? Забыл меня что ли?

Раздался, слегка изменившийся, но всё ещё узнаваемый голос Марины, с нотками надменности.

— И тебе доброй ночи, Марина. К чему сей поздний звонок? Случилось чего?

Мой голос звучал раздраженно не только из-за того, что она позвонила посреди ночи, но ещё и потому, что рассказы о её поведении зачастую вызывали у меня негодование, а иногда и отвращение.

— Извини что побеспокоила, просто я не знала кому ещё можно позвонить…

Теперь голос девушки звучал совсем по-другому, как раньше, когда она приезжала в гости.

— Ничего страшного, мы ведь друзья, можешь в любое время звонить, если, конечно, по делу, а не просто так. Ночью просто так звонить не надо.

С небольшим нажимом произнес я последнюю фразу, но она, похоже на это внимания не обратила.

— Знаешь, многое случилось, я даже не знаю с чего начать… Со мной что-то происходит, и я не могу это контролировать. Только иногда прихожу в себя и с ужасом осознаю, какой стала. Я… Я ударила Вику, мне так жаль, я не хотела, всё само собой вышло. Даже Аня от меня

отвернулась…

— Может, просто извинишься перед ними? Думаю, они не станут держать на тебя зла. Только нужно быть честной и перестать себя вести так, как ты ведёшь себя сейчас.

— Я не могу… Я пыталась, но каждый раз, когда беру телефон чтобы позвонить им, меня переполняет такая злость, такое раздражение. Боюсь, наговорю им ещё больше гадостей.

— Но ведь со мной ты нормально разговариваешь, почему с ними не можешь?

Удивился я, а она, немного помолчав переключилась на другую тему:

— Тим… Помнишь тот разговор о всяких странностях что происходили с нами, и то пятно что я оставила на твоей груди…

— Там нет ничего, на следующее утро уже ничего не было. Не переживай.

Прервал я её.

— Понятно. Это хорошо. Значит я зря переживала. Но я думаю, что это как-то связано с моим нынешним состоянием. Тебе не кажется, что мы с тобой не совсем обычные люди? Я пока многого не понимаю, но с нами ведь однозначно что-то не так.

— Я не считаю, что со мной «что-то не так», я тот, кто я есть, и другим быть не желаю.

Опять в моем голосе зазвучало раздражение. Слишком часто родители и доктора твердили, что со мной «что-то не так», и что я «ненормальный», хотя нет, при мне они старались говорить «особенный», что раздражало ещё больше, вот и выработалась защитная реакция.

— Прости, пожалуйста, я не хотела… Это со мной что-то не так. И это мне нужна помощь… Тим… ты поможешь?

Её голос звучал, так, будто девушка готова была в любой момент расплакаться. «Еще этого мне не хватало», подумал я, и решил говорить помягче.

— Марина, я готов помочь тебе всем, чем смогу, если это будет в моих силах. Я твой друг, и ты можешь на меня рассчитывать, в любое время, но тебе придётся изменить свое поведение и отношение к окружающим, согласна?

— Да, конечно! Спасибо! Спасибо тебе! У меня совсем никого не осталось, даже поговорить не с кем. Я так рада, что хоть ты не отвернулся от меня.

Дело неуклонно шло к слезам. «Да что же это такое, я ведь совсем другого пытался добиться», сокрушался я про себя.

— Никто от тебя не отворачивался, я говорил с девочками, они очень за тебя волнуются, тебе только и нужно, что попросить у них прощенья.

После этих слов её голос снова изменился.

— Значит, они тебе звонили. Нажаловались на меня, да? И что же они про меня наговорили? Гадостей всяких, да!!?

Ледяным тоном, в котором, теперь, и не пахло слезами, задавала она свои вопросы, словно вбивая гвозди. Звучала эта тирада так, будто королева обращается к одному из своих подданных, никаких возражений этот тон не терпел.

— Марина, мне не нравится, когда вопросы мне задают вот так. Это, во-первых. А во-вторых, никаких гадостей они про тебя мне не рассказывали, если не считать гадким, твоё собственное поведение. Или может они мне всё врали, и ты ничего плохого не делала?

— Я, кхм-м… Я не могу по-другому, я же говорила! Со мной в последнее время происходят непонятные вещи. Я, как и ты, тоже видела кое-что странное, поэтому и хотела бы с тобой поговорить.

И снова звучание её голоса изменилось, также, как, похоже, и настроение. Эти эмоциональные горки уже порядком меня утомили, если так продолжится, я больше уже не смогу заснуть, и что мне потом, посреди ночи прикажете делать?

— Понятно. Можешь на меня рассчитывать. Но это не телефонный разговор. Я могу приехать завтра ненадолго, при встрече и поговорим, согласна?

Предложил я, стараясь поскорее закончить эту беседу.

— Может лучше приеду я? Тут… тут такая обстановка, нам будут мешать, или ещё чего хуже…

— Хорошо, я встречу тебя, а сейчас ложись спать – ночь ведь!

— Я теперь очень плохо сплю ночами, зато днем высыпаюсь. Но я попробую. Спасибо тебе еще раз. Спокойной ночи.

— Пожалуйста. И тебе спокойной ночи.

Собрав всю оставшуюся выдержку, мягко попрощался я.

***

Как и договорились, в условленное время я ждал на станции. Электричка приехала. Люди вышли, двери закрылись, однако Марины видно не было, поэтому я потянулся в карман за телефоном. Ане с Викой, о ночном разговоре и о том, что мы с Мариной собираемся встретиться, я решил пока не рассказывать. Для начала нужно разобраться и выслушать вторую, так сказать, сторону конфликта, она ведь тоже моя подруга, и заслуживает этого.

Городок наш был не таким уж большим, работы здесь почти не было. Очень многие его жители катались в областной центр и обратно, как раз на этой электричке. Раньше тут были военные, но после распада Союза часть расформировали, что смогли – из нее вывезли, остальное разворовали. Именно поэтому каждый раз на станции выходит почти сотня человек. Марина же, девушка невысокая, вполне могла затеряться в толпе, «возможно поэтому её до сих пор не видно», размышлял я, всматриваясь в лица прохожих. Отвлекшись на телефон, я пропустил момент, когда какая-то подозрительная женщина остановилась рядом и коснулась к моей руки.

Присмотревшись к этой особе, я узнал в ней Марину. «Теперь-то понятно, почему сразу не заметил», поразился я про себя. Лето было в самом разгаре, палящее солнце заставило почти всех носить минимум одежды, но Марина вместо этого куталась в серый плащ, полностью скрывавший её фигуру, даже воротник подняла. Голову девушка обернула платком, и надвинула на нос огромные солнцезащитные очки. Опиралась эта новая Марина, на кривую коротенькую палочку, еще и горбилась, что довершало образ дряхлой старушки.

Когда мы отошли от станции достаточно далеко, и вокруг не было прохожих, я с иронией поинтересовался о причинах такого косплея. Она, похоже, немного смутилась и, запинаясь, ответила:

— В последнее время мне сложно уединиться, если только не дома. Я сама в этом виновата, наверное.

Остаток пути мы провели в молчании. Странно это как-то, будто с посторонним человеком идёшь. Под конец Марина почему-то совсем напряглась, постоянно озиралась, поправляла платок и очки, от чего мне тоже стало не по себе, однако до дома мы добрались благополучно, без приключений. Давить на нее не хотелось, потому вопросов я больше не задавал. Она платила тем же.

Когда мы подошли к двери моего дома, я понял, что совсем не хочу оставлять странную, изменившуюся девушку вне поля зрения, как если бы опасался нападения с её стороны. «Что за бред, это ведь просто Марина», успокаивал я себя, однако только ценой огромных усилий удавалось не оглядываться пока та была за спиной. Замок щелкнул, и я тут же отступил в сторону, пропуская подругу, «из вежливости, ничего больше», проговорил с насмешкой внутренний голос.

Как только Марина оказалась внутри, сразу стянула с себя очки и платок, небрежно бросив маскирующий реквизит на трельяж. Её темно-русые волосы неудержимой волной вырвались на свободу в тот же момент, когда девушка дала им такую возможность. Удивительно, но теперь они доставали почти до пояса, хотя я готов был поклясться, что в прошлый раз волосы были короче чем сейчас минимум раза в два. А еще они легли на плечи девушке так ровно, будто были тщательно расчесаны, а не томились неведомо сколько времени под платком.

Обернувшись, она бросила на меня странный взгляд, загадочно улыбнувшись, будто проверяя, смотрю я на неё или нет. Затем Марина расстегнула плащ и просто бросила его на пол. Такой поступок вызвал во мне негодование, однако возмущение так и осталось невысказанным, ведь той, кто прятался под этим плащом, была явно не Марина!

Точнее это была совсем не та Марина, что путешествовала со мной в одном купе поезда, и дело не только в изменившейся фигуре. Одежду, которую носила эта девушка, никогда бы не надела та убежденная скромница, которую знал я. Короткие джинсовые шортики, можно было назвать шортами только с огромной натяжкой, сомневаюсь, что в них было хотя бы двадцать сантиметров, ну разве что, если вместе с поясом. Черные чулки и красные сапожки на длинном каблуке делали, вроде-бы удлинившиеся ноги Марины ещё длиннее. Сразу вспомнился один из разговоров в поезде, когда эта самая молодая девушка доказывала подругам, что каблуки — это символ угнетения женщин со стороны мужчин, и что порядочные дамы обязаны от них раз и навсегда отказаться. Ещё она тогда долго распиналась о вреде такой обуви, а сейчас вот стоит и улыбается, как ни в чем не бывало!

Когда же изменившаяся подруга выпрямилась на своих каблучищах, то оказалась что она даже выше меня. На пару сантиметров, но всё же… Кроме того, тело молодой девушки обтягивала белая, почти прозрачная маечка, которая не столько скрывала, сколько подчеркивала её, более чем выдающуюся грудь. Даже я, обладая стальной силой воли на секунду поддался завораживающему воздействию этих холмиков, отметив, что они заметно увеличились с того раза, когда курносая гостила у меня в прошлый раз. Бюстгальтер эта, новая Марина, похоже, одеть забыла. Отведя взгляд, мне стало стыдно, хотя, по идее, стесняться здесь должна была она.

Как бы там ни было, я всё еще находился за дверью, не решаясь войти, ведь подруга стояла в проходе, хитро улыбаясь и наблюдая за моей реакцией, так что втиснуться в дверной проём, не зацепив при этом Марину, вряд ли получилось бы. Уверен, любой другой мужчина был бы рад гостье в таком наряде у себя дома, но только не я. Я всегда сторонился таких вот красавиц, выставляющих напоказ больше, чем позволяли нормы морали и приличия. Всегда считал таких дам высокомерными, самовлюбленными, эгоистичными и напыщенными, что зачастую подтверждалось их поведением и действиями. Может они, конечно, и не виноваты и такими их сделали постоянно вертящиеся вокруг парни, соперничая друг с другом не столько за их руку и сердце, сколько за кое-что другое. Думаю, именно на них лежит большая часть вины за потребительское отношение к окружающим слишком уж привлекательных дамочек в последствии. Хотя, может всё и не так на самом деле, но таково было мое мнение. Сам же я, никогда бы не стал пресмыкаться или унижаться во имя низменных целей ни перед кем, вот и старался просто избегать таких персон. «Другое дело, если бы между мной и Мариной были романтические отношения, тогда бы… Так стоп!» остановил я сам себя осознав, что чуть не поддался её женским чарам, хотя только что, вроде бы мнил себя «рыцарем без страха и упрёка».

Однако всё это было второстепенным и меркло перед тем чувством, что зародилось у меня, как только подруга подошла ко мне на станции. Точнее это был целый клубок чувств, распутать который мне до сих пор не удавалось. Достаточно вспомнить недавний липкий и холодный ужас, когда я боялся упустить Марину из виду, отпирая дверь. Страх этот, кстати, до сих пор никуда не делся, зудящей занозой засев где-то под ногтем. «Да что это со мной? Это же просто моя подруга, Марина, пусть и похорошевшая внешне. Нет никаких объективных причин чувствовать нечто подобное по отношению к ней. Она же не сделает мне ничего плохого», пытался встряхнуться я.

Тем временем, Марине похоже надоело ждать и она, с грустью вздохнув, сделала шаг в сторону, чтобы я наконец смог спокойно войти в собственный же дом. Этот её маневр дал мне возможность заметить кое-что, чего раньше видно не было – на безымянном пальчике подруги красовалось новое ювелирное украшение. Странное колечко стразу же бросилось в глаза, так как излучало… нет, не свет, а скорее тьму.

Вокруг кисти подруги, небольшим облачком будто сгустился черный туман, однако, как ни странно, он совсем не мешал мне разглядывать эту необыкновенную безделушку. Уж не знаю с чего такие мысли посетили мою голову, но светлый металл, из которого была выполнена оправа, казался мне чем-то схожим с прутьями темницы или кандалами раба.

И наконец гладкий камень в оправе, который немедленно и бесповоротно пленил мой взор похлеще, чем все женские прелести мира и я на мгновение выпал из реальности, созерцая его черное излучение. Я почему-то был уверен, что этот камень не был мёртвым, он был «тёплым», в нем тлела жизнь.

Мир вокруг померк, осталось только это существо в камне, или, возможно, сам камень являлся существом… Будто ощутив на себе мой пристальный взгляд, существо оживилось. В голове вдруг раздался тихий голосок, чем-то напоминающий голоса темных страшилищ, с которыми я «играл» на полянке, под сенью огромного дуба. «Освободи меня, прекрати наконец страдания…» молило создание, но последние слова его были едва слышны, а мир вокруг стремительно набирал резкость.

И вот я уже стою в дверном проеме, уставившись в одну точку, а до слуха доносятся крики Марины, которые становятся всё громче и настойчивее.

— …Тим! Ты меня пугаешь! Что с тобой? Да очнись же!

Девушка подошла, подняла руку намереваясь положить её мне на плечо, но тело, будто марионетка резко дернулось в сторону, избегая этого прикосновения. В груди вспыхнул гнев, да ещё такой сильный, что я с трудом удержался, чтобы не зарычать. «С каких это пор ты рычишь в приступах гнева», поинтересовался я сам у себя, окончательно отгоняя наваждение. Марина замерла, прикрыв ротик ладошками, во взгляде девушки, который сейчас был устремлен в мои глаза, читался неподдельный ужас, она даже отступила вглубь квартиры на несколько шагов.

— Т-тим, пожалуйста, это же я…

— Всё в порядке, извини что напугал, просто задумался. Помнишь, я ведь говорил тебе о своих странных видениях, вот это было одно из них. Не волнуйся, тебя я не обижу. Извини что напугал, вот недотёпа!

Попытался в конце отшутиться я, легонько хлопнув себя ладошкой по лбу. Оказавшись наконец в коридорчике, я запер дверь и принялся развязывать шнурки.

— Ты, кстати, плащик свой обронила, подними, пожалуйста.

Это я сказал не только для того, чтобы разрядить накалившуюся обстановку и успокоить девушку, но еще и потому, что сам никак не мог избавиться от гнева, который к тому же подогревался видом валяющегося на полу моего дома чужого предмета гардероба. Стаскивая кроссовки, вытащив две пары тапочек – себе и гостье, я искоса поглядывал на плащ Марины, к которому слишком уж медленно приближалась её розовая ручка. Подняв глаза чуть выше, я тут же пожалел об этом – девушка тянулась вперёд, нагнувшись и сверкая белоснежной улыбкой, а прямо передо мной, из последних сил сдерживаемый тоненькой маечкой, слегка покачивался её пышный бюст.

Быстро поднявшись, стараясь впредь смотреть только в лицо подруге, я подтолкнул к ней тапочки. Они были куплены для младшего брата, потому что у него имелась дурная привычка ходить в моих, и отнять их у него было не так-то просто. Других гостей, кроме родителей, у меня дома, естественно, обычно не наблюдалось. Тапочки были синими, с кошачьими мордашками и ушками, небольшого размера, но на её девичью ножку оказались как раз впору и, к счастью, рушили весь образ распутной девицы, который, уж не знаю, специально ли, создала Марина. Ну, по крайней мере если не поднимать взгляд выше ее колен.

— А в домашних тапочках, ты смотришься уже не такой крутой, особенно с высоты своего обычного роста.

Посмеялся я над ней, пока девушка тянулась вверх, привставая на цыпочках, пытаясь повесить на крючок плащ, после того как поставила на полочку сапожки. В ответ Марина надула губки:

— Если ты меня хотел обидеть, то у тебя почти получилось.

— Да ладно, подружка, кто ещё кроме меня тебе об этом скажет? И вообще, я, конечно, понимаю, ты хотела выглядеть привлекательно, но зачем же ТАК было одеваться? Ну а если ты намеревалась привлечь внимание парней, тогда тебе не нужно было кутаться в тот плащ, вот тогда был бы эффект ещё на станции…

К этому моменту я наконец успокоился и вернулся к своему обычному состоянию.

— Ничего ты не понимаешь, дурак!

Непонятно почему ещё больше надулась подружка.

— Всё, молчу-молчу.

Примирительно поднял я руки, а потом, подмигнув продолжил:

— Но одну из своих рубашек я тебе всё-таки дам, а то ты меня смущаешь своим видом…

— Ха! Так значит смущаю, да?

Она приблизилась, убрав руки за спину, а потом вдруг прислонилась, заглянув в глаза. «Если она себя так со всеми парнями ведет, то не удивительно что они за ней бегают», появилась будто чужая мысль в голове, отогнав возникшие пошлые желания подальше. Я отвернулся и серьезным тоном сказал:

— Не надо так делать, это не смешно, так себя с друзьями не ведут. Лучше пойди поставь пока чайник, а я сейчас вернусь.

Проскользнув мимо девушки в свою комнату, я нашел в шкафу лёгкую рубашку и направился с ней на кухню, где вовсю хозяйничала Марина. Я протянул ей рубашку, но подруга вместо того, чтобы просто взять её, положила свою ладонь поверх моей руки:

— Но мне будет жарко, если я ещё и рубашку одену! Неужто это так необходимо?

Невинно хлопая ресничками, пропела девушка.

— Если хочешь, можешь переодеться, рубашка легкая, жарко в ней не будет, а то ты в этой майке будто голая, я себя неуютно чувствую.

— Ладно, как скажешь.

И она тут же начала снимать с себя упомянутую маечку. Я быстро отвернулся, смущение залило лицо краской, но вместе с тем, снова появился гнев. «Какого черта! Что она творит?!», возмущался внутренний голос.

— Ты бы хоть предупредила, а вообще можно было и в другую комнату выйти!

Вместо ответа Марина подошла ближе, и я почувствовал, как на плечо ложится почти невесомая, ещё хранящая тепло и запах своей хозяйки, белая ткань. Её рука легонько

коснулась моей шеи, от чего по телу побежали мурашки. Не глядя, я протянул ей рубашку отступив на шаг, избегая дальнейшего контакта, от которого уже слегка кружилась голова.

— Что ты делаешь? Да оденься уже!

Дрогнувшим голосом, слегка повысив тон, потребовал я. Подруга взяла рубашку и несколько секунд спустя произнесла:

— Всё, и незачем так нервничать, мы же друзья, ты сам так сказал – с чего бы мне тебя стыдиться?

Я с опаской обернулся. Марина всё-таки надела рубашку. Вот только застегнуть забыла.

— Не изволишь застегнуть хотя бы пару пуговиц?

Постыдные мысли, с которыми я и так с очень большим трудом боролся, потихоньку выходили из-под контроля. С детства я гордился своей силой воли и выдержкой, вывести меня из состояния спокойствия было крайне непросто. Похоть же, я вообще считал самой опасной слабостью, потому обычно душил её в зародыше, однако сейчас, мои бастионы целомудрия рушились один за другим.

Сейчас бы вспомнить, сколько войн началось из-за женщин: Елена Троянская, Тристан и Изольда и так далее… Один писатель вообще о них отзывался примерно так: «женщина самый опасный враг, она будет улыбаться тебе, будет покладистой и покорной, но, когда ты доверишься ей целиком и полностью – вонзит отравленный клинок в спину». Однако сейчас всё это не имело никакого значения, меня тянуло к Марине с огромной силой, причем я понимал и осознавал, что это только и исключительно похоть. Ничего больше. Похоть в чистом виде.

Сдерживаться помогал лишь гнев, что тихонько тлел в груди, и я дал ему разгореться, понося себя на чём свет стоит за мягкотелость. «Девушка доверилась мне, пришла в мой дом чтобы поговорить о чём-то серьёзном, я просто не имею права предать её доверие, превратившись в животное, пусть даже она сама ведёт себя немного вызывающе», вел я беседу с самим собой, от чего становилось немного легче. Направить гнев на обнаглевшую гостью я никак не мог – это скорее всего закончилось бы насилием, а вот на себя без проблем, чем я и занимался.

Марина застегнула всего две пуговички, видимо решив, что этого вполне достаточно и в таком виде порхала у плиты, разливая кипяток в чашки с чаем. Закончив с этим, курносая аккуратно поставила передо мной чашку, а я поймал себя на том, что мой взгляд остановился в районе застегнутых пуговичек, которые героическими усилиями сдерживали напор её прелестей, и смещаться никак не желал. «Это называется пялиться, благочестивый ты наш…» посмеялся кто-то в моей голове.

Завертев головой, пытаясь понять кто это говорит, я вдруг осознал, что это мои собственные мысли. Рука крепко сжала горячую чашку, от чего боль волнами распростилась по всему телу,

отчищая разум от постыдной похоти.

Похоже боль запустила некий механизм, потому что спустя пару секунд мир изменился. Зрение, как и в тот раз, после происшествия с поездом улучшилось, другие чувства обострились, а чашка уже не казалась такой горячей. Прекратив себя истязать, я взглянул на ладонь – она хоть и стала ярко красной, ожогов не получила. «Оно того стоило», думал я, подходя к умывальнику, подставляя руку под струю холодной воды. Марина тем временем принялась что-то рассказывать, не заметив этих манипуляций и изменений во мне.

«Ты ли это, Тим? Ну да, девушка действительно красива, однако, неужто тебе этого достаточно, чтобы потерять над собой контроль?» задавал я сам себе вопросы, не обращая внимания на болтовню Марины. «Да быть такого не может, я не мог поддаться этому чувству так легко, здесь однозначно есть что-то еще… Но что?», так же спокойно отвечал я голосу в голове.

Бросив осторожный взгляд через плечо, стараясь остаться незамеченным, я присмотрелся к ее руке и странному колечку на пальце. Больше от него не исходила тьма, никакого темного тумана или чего-то подобно. Теперь кольцо выглядело обычной безделушкой. Воспользовавшись полотенцем, я вытер руки и вернулся за стол. Марина, не прерываясь бубнила какую-то чепуху о юбочке, которая к её красным сапожкам будет в самый раз, что смотреться в этом она будет шикарно и тому подобное.

Потягивая чаёк, я спокойно выслушивал все эти глупости, глядя в окошко. Теперь, когда я снова мог контролировать каждую свою мысль, каждое желание, можно было расслабиться и просто плыть по течению. Рука полностью восстановилась и не беспокоила, конечно, кожа на ней давно загрубела от частых занятий на перекладине, однако что-то подсказывало что в моём нынешнем состоянии не это главная причина столь быстрого восстановления.

Время шло, а Марина всё никак не переходила к серьезным темам. Я терпел это, понимая, что ей, скорее всего, было некому выговориться, ведь Аня с Викой на неё обиделись. Я машинально отвечал на её глупые вопросы, не вслушиваясь особо. «А ведь по телефону говорила про что-то интересное, связанное с нами обоими. Ещё и кольцо с черным камнем, уверен что это не обычная безделушка, и ведь раньше его не было, я бы заметил», размышлял я, когда вдруг обнаружил её руку, которая как кошка, крадущаяся к добыче, медленно приближается ко мне.

Дабы избежать прикосновения я залпом допил чай и направился к умывальнику, положив туда опустевший сосуд. Время близилось к вечеру, скоро уже и на станцию пора будет выдвигаться. Так как Марину это, похоже, совершенно не волновало, я взял инициативу в свои руки:

— Марина, ты ведь хотела поговорить со мной о чем-то важном, о том, что с тобой случилось, и как это связано со странностями, которые происходят со мной. Может расскажешь?

— Да ну, давай лучше еще поболтаем, все эти серьезные разговоры никуда не денутся. Разве тебе неприятно моё общество?

Голосок её звучал совершенно беспечно, никакого намека на серьезность.

— Конечно приятно, не так часто мне выпадает возможность посидеть вот так со своей подружкой.

— «Подружкой», значит.

Передразнила она, с кислым видом, непонятно почему.

— Что не так-то?

— А то!

Она встала и подошла, уверенно заключив мою руку в своих ладонях. Всего секунда и её настроение опять изменилось – девушка снова обворожительно улыбалась и хлопала ресничками.

— Ладно, согласна и на подружку, вот только можно и с подружкой чем-нибудь интересным заняться.

Прижав мою руку к своей груди, она продолжила:

— Давай сделаем это по-дружески, а там посмотрим.

Это шокировало меня настолько, что я не сразу даже понял, что именно предлагает эта девушка, а поняв, высвободил руку. Конечно меня пока не сдерживали какие-либо моральные обязательства, если не считать той оговорки в разговоре с Викой. Да если бы Марина себя так вела в прошлый раз, когда осталась здесь переночевать, мы бы однозначно уже были бы в других, более близких отношениях, однако сейчас всё происходящее казалось каким-то неправильным. Не потому, что я не хочу или у меня комплексы, а потому что девушка явно не в себе, она будто пьяная, хоть и не пила ничего спиртосодержащего.

Тем более, как это будет выглядеть потом, когда я встречусь с двумя другими подругами: «знаете, девочки, мы тут случайно с Мариной встретились, и несмотря на напряженные отношения между вами, переспали, по-дружески». В общем, я решил отложить данное мероприятие на некоторое время.

— Извини, Марина, но сначала нам всё же стоит разобраться в ситуации. Понять что с тобой происходит и всё такое…

— Да ладно тебе, ничего не происходит, просто я чувствую… это надо сделать… ты… достоин…

— О чем ты говоришь? Что значит достоин? Что значит «надо сделать»?

Повысил голос я, но Марина будто впала в транс, прижавшись ко мне и заключив в объятья.

— Просто надо. Я хочу.

Буквально требовала девушка, и я, не придумав ничего лучше, потому что уже и сам готов был согласиться, сказал:

— Марина, мне нравится другая.

— В моих объятьях ты быстро забудешь о ней. Кто она?

Сладко шептала курносая, продолжая водить руками по моей спине. Ее коготки легонько царапали футболку, и мне почему-то казалось, что они становились все больше.

Я ответил немного запнувшись, потому что начал чувствовать лёгкое удушье.

— Мне… кхм… Мне Вика нравится…

Руки Марины замерли, а потом резко отдернулись, больно царапнув напоследок.

— Вот значит как?! Значит, ты выбрал её? Эту сучку! Ну ладно!

Она быстро вышла в коридор и натянув сапожки, не застегивая, схватила плащ, накинув его на плечи.

— Меня провожать не надо! И не звони больше!

Это были последние слова, перед тем как девушка громко хлопнула дверью. Странно, но мне показалось что волосы подруги, или, возможно уже бывшей подруги, окрасились в темно-синий, почти черный цвет. Да и рука, что закрывала дверь, выглядела совсем не похожей на человеческую, стала синеватой с черными, довольно длинными когтями.

Сегодня я уже, конечно, устал удивляться, однако последний сюрприз Марина, как оказалось, оставила на спине. Подойдя к зеркалу, сняв футболку, которая заимела несколько прорезей, я с ужасом обнаружил глубокие кровоточащие борозды, по пять штук с каждой стороны, на каждый палец сбежавшей гостьи…

http://tl.rulate.ru/book/25870/700262